

русский театр. («Ивановъ». Драма въ 5-ти дѣйств. соч. А. П. Чехова). И отъ «Иванова», какъ отъ «Дяди Ваня» вѣдетъ безпрерывный грустный, которая какъ свинцовая ложится на душу зрителя, — смущая тщетно стремящийся разяснить себе эту гибель 35-лѣтняго, способнаго и собою уже не безнадежно придавленнаго такими обстоятельствами Иванова. Мы хотимъ слышать въ театрѣ во время разговора въ атрактахъ, прямо недоумѣние ироническаго судьбы Иванова. «Зачѣмъ столько такихъ пьесъ?» «Конечно, все это правда, изображено въ пьесѣ, во вѣдь такіе люди, въ Ивановѣ исключение; это большой разнотипный человѣкъ». «И зачѣмъ брать такіе печальныя положенія?» Слышимъ эти и невольно задавалъ себя другой вопросъ. Почему же идетъ публика смотреть эти пьесы? Почему ее тянетъ въ театръ пьесы Чехова, почему и его книги приносятъ къ себѣ такое пристальное вниманіе? Почему самъ авторъ, который несомненно переживалъ внутреннюю муку, возмущеніе своего Иванова, не можетъ отказаться отъ нихъ, нѣтъ любимыхъ «дѣшевщинъ», «мѣтѣ людей» и почему, обращаясь къ публикѣ, онъ говоритъ всегда въ такомъ тономъ, трудно безъ внутреннихъ слезъ слушать эти его?

Когда я задал себе этот вопрос, мне казалось, что именно в ответ на него заключается разгадка, как притягательней в таких писателях, как Чехов, так и в мучительной тоске, которой проникнуты произведения, того тяжелого впечатления, что они производят и на читателя, и на нас.

представить себя писателя с его глубокой
прошлой жизнью, с теми чувствами. Ко-
гда он так ярко передает память ве-
щам (ишь самими пережитым!) Ива-
на, с его разбитой иллюзией любви, с его
предвзвешенно дождь вошедшей непоколебляю-
щей быть, совсем ненужного бремени и
нашего себя, где, в какой обстановке
и восторга, меркантильного, раз-
рушающего существования, может
писатель найти проторь для про-
зрачности своей внутренней жизни,
полюс для строй, будничной программы
и ни миста, ни экономический
и политической необходимости?

Все, решительно все, что прачется от
того не видно ни на службе, ни в
личной гостининой, гдѣ проявленіе самобыт-
ной жизни, считается чуть ли не
нечестностью, отсутствіемъ выдержки и
жизельски трезваго, дмеческаго такта.
Удивительнаго въ томъ, что писатели,
въ жизни этого единственнаго,
нужнаго ему общенія, уходить въ
то, что же удивительнаго, что его самоопи-
обострятся и углубляются, превращаясь
въ болѣе яркую и сильную, хотя и же-
дную внутреннюю правду, чѣмъ дальше этот
вынымаются въ умъ и сердцѣ. Что
показательнаго въ томъ, что мучилъ надир-
роизмоще людей къ этой, по его мнѣнію,
важной правдѣ, писатели проникаются
чѣмъ то въ родѣ желанія отомстить за
читателя и зрителя, заставить путемъ по-

Кусетса страдает и переживает то, что скрыто от него под холодными покровом социаль-
ных праллий в о чем он догадывается
лишь по собственным мукам. по личным
одиноким думать. Говоря о жестокости тала-
та Чехова, мы протестуем против того за
то, что он выбивает нас из обыденной
рутинной колес, за то, что он лишает нас
подсознательного, большого забытья, в котором
пребывает наше сердце. и, протестуя, все
таки идём смотреть пьесу Чехова, потому что
она быть по нашим нервам. идём, как
шли смотреть прежде на смертную казнь, в
бой быков, на бой гладиаторов, как теперь,
при полном сознании некультурности цирка,
идём смотреть, как висят в воздухе «гу-
тапервики надзачки», который каждое мгно-
вение может сорваться и разбиться, забрыз-
гав нас своей кровью.

Таковы образцы, привлекающие нас своей жестокостью, художник приковывает нас к своей святой и глубокой правде, освещает темноту нашего внутреннего мира, нарушает его сонный покой и мы выходим из театра или отрываемся от книги, больше солидарные с другими людьми, больше близкие к ним. Мы взираем тогда, что в другие люди переживают такую же открытую от людского взора, внутреннюю жизнь, только что показанную нам художником, приобретаем, мыслью к ней и находим силы для борьбы во имя правды, во имя человеческого, а не социальных прав.

Таковы идеиный смысл таких пьес, как «Иванов» Чехова, таковы их мораль и положительное общественно развивающее значение.

Что касается «Иванова» в частности, то, сравнивая его с «Дядей Васей», нельзя не заметить, что вторая из этих пьес по отрывку деталей гораздо толще в художественном отношении законченна, проще и правдивее. Точно также и со стороны сценической «Иванова» надо поставить ниже «Дядю Ваню»: в пьесе есть ненужные эффекты, случайные комические элементы, несплавленные тесно с главным содержанием пьесы. Акционный чиновник, все интересы которого сосредоточены на картах, несколько не отличается главное действующее лицо пьесы — Иванов. Иванов погибает не от пустоты жизни, он не затаял в провинциальную тину, как Косых, и такая деталь не поможет несколько общему пониманию пьесы.

Исполнение пьесы вчера удалось как нельзя лучше. Г-жа Полякова и г. Диевский, игравшие главные роли, создали оба живые и цельные типы, а в 3-м действии сцену объяснения Сарры с Ивановым провели с большим силой. Слдует добавить, что в загримированы артисты были прекрасно, хотя мнѣ кажется, г. Диевскій одѣтъ былъ слишкомъ щеголято, что не совсемъ идетъ къ Иванову. Прекрасно справились со своими ролями гг. Ильковъ, Гойда и Молчановъ и г-жа Николарова и Самарина. Бенедиктантъ г-нъ Ковдиревъ далъ омигательный типъ председателя земской управы, богатаго, но безвольнаго, отсутствующаго человека. При выходѣ на сцену артиста приветствовали долгими рукоплесканиями.

В заключение спектакля шла очень миленькая комедия в 1 действии «Щебетливое поручение», которая в исполнении г-жи Рахмановой и Марченко-Петровой и г-ва Матковского прошла с отличным ансамблем.

Бенефицианту было поднесено нѣсколько подарковъ. Публики, къ сожалѣнію, было не особенно много.

Н. Подякоцкий.